

С этими мастерами я начал свою педагогическую деятельность, и это была, по сути дела, моя вторая профессиональная школа.

Встречи с Андреем Михайловичем Лобановым в институте и в Театре имени М. Н. Ермоловой окончательно сформировали мои привязанности и вкусы. Этого режиссера, незаслуженно забытого сегодня, я могу с полным правом назвать своим главным учителем. Замечательный талант Лобанова более всего сказался на моей творческой деятельности.

После смерти Андрея Михайловича я уже самостоятельно доводил его курс, и с тех пор на моем счету четыре выпуска режиссеров. Мои ученики работают в Советском Союзе и за рубежом. Более двухсот человек стали главными режиссерами театров, многие успешно работают в смежных с театром областях — на телевидении, радио, в кинематографе.

Может быть, самой привлекательной стороной педагогической работы для меня является постоянное общение с молодежью. Ведь театр — искусство всегда молодое, ибо оно, по точному определению А. Д. Попова, предполагает борьбу за душу молодого человека, которому завтра предстоит решать общественные, социальные и политические вопросы. А институт, по-моему, является именно той питательной средой, в которой складываются новые стремления и тенденции молодежи в театре.

Нина Велехова,
критик

Сезам, отворись!

Когда при случайном или намеренном обращении к прошлому мысль останавливается на поре студенчества, я испытываю неизменное ощущение счастья. Той особой энергией, которая излучает это чувство, в моей жизни обладал ГИТИС.

Но что значит ГИТИС? Это премудрое слово для меня — люди, его составлявшие, его профессура, которая провела меня и еще многих, известных и неизвестных мне молодых людей по нескольким рубежом годам жизни.

Часто в юности все, что будет потом, определяется тем, чья мысль осветит первые экскурсии человека в серьезные дали. Если сравнивать мысль со светом, то ГИТИС сиял ослепительно ярко и мог быть замечен отовсюду всеми, ищущими пути-дороги. Трудно назвать другие равные ему созвездия умов, хотя время не могло жаловаться на скудость талантов. Не могу не начать с самой ошеломляющей встречи — встречи с мыслью Николая Михайловича Тарабукина. Не умея упрощать свое остроаналитическое мышление, он ввел нас в чудесную область пространственно-образительных искусств без всякой подготовки, как в сказках «Тысячи и одной ночи» вводят в пещеру

несметных сокровищ, заставляя скалы раздвинуться заветной фразой «Сезам, отворись!». В самом деле, и облик Н. М. Тарабукина и его манера вести себя были при всей простоте необычны, загадочны своей невозмутимой медлительной точностью и неуловимой сменой изнутри диктуемых ритмов. Казалось, ему не стоит труда открыть замкнутые стены давно прошедших лет и воскресить абрис исчезнувших памятников. Негромким голосом обращаясь к нам, не стараясь нас завлечь, если мы не сможем оценить его мысль, Николай Михайлович протягивал руку к картине или к диапозитиву, заменяющему ее, и говорил как будто очень простые (для него) вещи о смысле и сути шедевра, о секрете его создания. Но от пронзительной остроты открытия, заключающегося в этих речах, студентов буквально бросало в дрожь восторга и восхищения.

Подготовка к экзаменам по его предмету была праздником для души, несмотря на то, что одолеть все, включающееся в минимум (по представлению профессора) нашего познания, было бы трудно даже дипломированному специалисту. Но непросто взять дар — это надо знать всегда, — настоящий душевный дар, время действия которого не ограничено годами. И потому до сего времени все, что сказал и объяснил Тарабукин, составляет часть жизни ума и сердца.

Мир сокровищ искусства после нескольких встреч с Тарабукиным заявлял о себе на каждом шагу. Не только живопись, но театр начинал отдавать свои глубокие тайны и закономерности. Город менял привычный облик, открывая замыслы строений, их композицию, останавливая нас на пути как будто вдруг выведенной на первый план деталью; туман или закат подсказывали, откуда брались составы масляных и пастельных красок, люди в потоках движения открывали взгляду законы динамики в творчестве художников и режиссеров. Словом, во всем, что окружало нас своей каждодневной житейской суетой, выступало для пробужденного внимания творящее начало руки и мозга человека. Это Тарабукин: он не только давал знание, он менял и совершенствовал угол взгляда на мир, как бы даря нам второе зрение. И неожиданны были императивные повороты его метода. Он остановил как-то раз наше шествие по залам музея около маленькой (20×30) картины Гварди, изображавшей часть городского пейзажа в Италии. Человеческая фигура. Арка. Облачко в небе.

— Нравится это вам?

Мы не высказали восторга, еще не освободившись, верно, от впечатлений более сильных, им же подсказанных и еще вевших где-то в высоте над нами.

Тарабукин помолчал, потом сделал неожиданное, казалось бы, заключение:

— Когда понравится, это будет означать, что вы начали понимать искусство.

Другого рода богатство шло от Алексея Карповича Дживелегова. После ненастойчивого, но колдовски неотразимого притяжения к сущности изображения мира, после внезапных удивлений от близости к страданиям мысли художников разных веков и точек планеты, расставшись с загадочно мерцающими, слегка раскосыми глазами Тарабукина, мы встречали ма-